

Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России

Федерализация российского пространства, рост политической автономии его структурных единиц стали мощным стимулом для поиска регионами своей собственной идентичности. В этом процессе культурный ландшафт стал своеобразной подстилающей поверхностью, на которой строилось и продолжает строиться региональное самосознание. Конечно, региональная идентичность не является новым феноменом в отечественной истории, в тех или иных формах она присутствовала всегда, в т.ч. и в периоды максимальной централизации — как естественная обратная реакция на давление центра. Но сегодня идет переосмысление регионами своего прошлого, своих символов, своего места на российской карте. Оно связано с формированием новой федеративной России, в которой децентрализация власти и, неизбежно, культуры стала одним из главных политических факторов.

В своей работе мы попытаемся понять, что происходит с современным культурным ландшафтом в России и как в его трансформированном политическими катаклизмами виде он ложится в основу идентичности субъектов федерации. Ответим на вопрос, каково соотношение природного ландшафта, культурного наследия — традиции и современных культурных инноваций в структуре региональной идентичности. Разберемся, как ландшафт представлен в региональной символике, в обыденных и полуофициальных формах региональной самоидентификации, в региональных политических движениях.

Современный культурный и политический процесс в России, по сути, представляет собой новое освоение ее культурного ландшафта. Новое освоение — это и переосмысление, и поиск новых, более адекватных форм, и «чистое» провинциальное творчество. Обретение регионами самих себя происходит посредством культурного ландшафта, через культурный ландшафт и влечет за собой трансформацию культурного ландшафта. Этот процесс находится в фокусе внимания нашей работы. Сразу же оговоримся, что для чистоты эксперимента мы рассматриваем только регионы с доминированием русского этнического субстрата, без этнических примесей, являющихся значимым элементом региональной идентичности. В центре нашего внимания — этнически однородная часть России, русское пространство и его географическая дифференциация.

Трансформация культурного ландшафта: возрождение или «постсоветизация»?

В начале следует разобраться, как идет трансформация культурного ландшафта в современной, постперестроечной России. Как соотносится возрождение старых форм с инновациями и какова судьба советского культурного ландшафта. Для начала рассмотрим изменения в топонимике — названиях городов и улиц, поскольку имя есть основа идентичности. Обратим внимание и на изменения в доминантах ландшафта, какими, например, являются памятники.

Итак, была ли восстановительная, возрожденческая тенденция и что с ней случилось? Посмотрев на современную карту, мы увидим небольшой в масштабе огромной России набор «восстановительных» процедур. Много копий было сломано по поводу возвращения городам исторических названий. Но, в сущности, восстановлено было не так много, просто бросаются в глаза самые крупные, знаковые решения. Первыми в 1989 г. отмирили названия, данные в память о недавно умерших советских партийных деятелях, — после короткого времени вернули себе традиционные названия Рыбинск — Андропов и Набережные Челны — Брежнев. За ними в 1990 г. последовали Нижний Новгород — Горький, Тверь — Калинин и Владикавказ — Орджоникидзе. Наконец, в 1991 г. вернули себе исторические названия Санкт-Петербург, Екатеринбург, Самара и Сергиев Посад. Как видно, возрожденческая тенденция затронула прежде всего крупные города, исторические центры, глубокая традиция которых ожесточенно сопротивлялась советским попыткам присвоить им новые названия. Остальное было лишь небольшим дополнением тенденции на уровне центров среднего и малого размера. В 1991 г. старинное Пошехонье избавилось от «революционного» окончания Володарск, в 1992 г. традиционные названия восстановили Лиски, Орлов и Шлиссельбург.

По сути перестроечное восстановление традиционной топонимики стало еще одной волной отторжения явных советских деформаций. Однако эти волны были характерны и для более ранних периодов советской истории: вспомним десталинизацию ландшафта и топонимики. Революционное стремление переделать ландшафт всегда сталкивалось с силой традиции, многие названия не выдерживали испытания, не могли пережить конфликта с общественным мнением и уходили в историю. Ведь были у нас на уровне региональных центров не только всем известный Сталинград, но и Молотов, Чкалов, Ворошиловск, не говоря уже о Ежово-Черкесске и переименовании пригородов Петербурга-Ленинграда в Троцк (Гатчина) и Слуцк (Павловск).

Поэтому перестроечное возрождение традиционных топонимов ста-

ло еще одной, безусловно, самой мощной волной традиционализации — регенерации культурного ландшафта, которая прошла по стране в 1989—1992 гг. Эта волна не могла не затронуть и уровень городских улиц в крупных центрах: стали возвращаться традиционные названия в Москве, Санкт-Петербурге и не только: Нижний Новгород вернул себе Большую Покровскую, а Ростов — Большую Садовую. Однако для понимания глубины процесса полезно сравнить ситуацию в Москве и радикально-националистическом Львове. Центр украинского национализма лихо и без раздумий уничтожил все хоть немного советские названия, заменив их на старинные или новые, но окрашенные в националистические тона. В Москве депутаты Моссовета хотели сделать то же самое, но так до конца дело и не довели. В России быстро сошел на нет подъем традиционалистской пассионарности, началось и продолжается до сих пор снижение общественного интереса к национальному возрождению, которого в сущности и не было за исключением небольшого числа знаковых событий, получивших нейтрально-позитивную оценку общественности.

Проблема любого возрождения культурного ландшафта наталкивается на слоистость русской истории. Традиционный ландшафт после советской трансформации-модернизации стал лишь одним из слоев, который для общественного сознания не является единственно ценным и адекватно воспринимаемым в рамках бытующей ценностной системы. Поэтому советский пласт в культурном ландшафте в России — в отличие от ее последователей на пути коммунистической трансформации — частично законсервировался, стал еще одной своеобразной дополнительной традицией. Он вошел в плоть и кровь региональной идентичности, ведь до сих пор старшее поколение продолжает использовать «старые», т.е. теперь уже советские, названия переименованных городов. Этими же названиями пользуются коммунисты, сохраняющие немалую популярность.

Возрождение старинной топонимики, конечно, происходило в зависимости от радикализма территории, и в каждом случае мы наблюдаем свой итог борьбы «советского консерватизма» с «русским ренессансом». Повторимся, сопротивление и консерватизм сложившегося в XX веке постреволюционного ландшафта оказались гораздо более высокими, чем можно было подумать вначале. Поэтому на всей территории страны расположился целый архипелаг советского ландшафтного наследия — зримые, хотя и не столь уже навязчивые (иногда просто привычные до незаметности) вкрапления культурного наследия социалистического периода. Это и сохранившиеся на своих местах памятники вождям мирового пролетариата (особенно перед администрациями регионов — сочетание уже более чем странное), и многочисленные названия населенных

пунктов и улиц, особенно заметные на уровне консервативной «одноэтажной России».

Таким образом, возрожденческая тенденция натолкнулась и на открытое сопротивление, и на общественную пассивность, которые особенно заметны в малых и средних городах, где не было активного политического движения. Поэтому, например, из небольших городов вернули себе названия лишь Лиски, Пошехонье и Орлов, во всех случаях по очевидным причинам частного характера. Лискам, конечно, не хотелось носить непонятное имя румынского генсека Георгиу-Деж, весьма странно выглядело сочетание старинного русского имени с «революционной» фамилией в Пошехонье — Володарске, а Орлов предпочел свое гордое «птичье» имя неблагозвучной фамилии революционера Халтурина.

Однако сохранились и законсервировались в советской традиции два крупных областных центра — Киров и Ульяновск. Сегодня это два столицных города-«бутерброда» с отчетливой двойной идентичностью при сохранении на официальном уровне советского названия. Так, в Кирове главная газета носит название «Вятский край» и государственная телерадиокомпания называется «Вятка». Старое название стало не менее употребительным, чем существующее поныне. Ульяновск — город с «полуторной» идентичностью, где официальное «ленинское» название остается в силе, и менять его почти никто не собирается. Однако в названиях газет и предприятий постоянно проскальзывает Симбирск («Симбирские известия», «Симбирский курьер»). Забавно, что одни предприятия используют в своих названиях Ульяновск, а другие — Симбирск. Поэтому здесь «Симбирскспирт» и «Симбирскмука» соседствуют с «Ульяновсксахаром».

Сегодня можно констатировать, что преобразовательная волна на уровне топонимики прошла, став достоянием нескольких лет новых революционных преобразований ландшафта. Волна схлынула, оставив мощный остаточный слой законсервированного советского ландшафта. Впрочем, назвать его остаточным сложно — на внешнем, визуальном уровне он где-то остался доминирующим и даже единственным.

На карте России сохранили о себе память даже иностранные деятели мирового коммунистического движения: «пострадал» только Георгиу-Деж. Зато в Саратовской области спокойно себя чувствуют города Маркс и Энгельс, странным образом напоминая о Республике немцев Поволжья. Остались на своих местах Тольятти (восстановление старого имени Ставрополь привело бы к дублированию с уже имеющимся краевым центром) и Димитровград (хотя прилегающий сельский район был и остался Мелекесским).

Не рискуя сильно перегружать текст, все же напомним и о совершенно полном спектре топонимов, отражающих всю советскую историю, за

исключением вычищенного из ландшафта еще до краха КПСС сталинского периода. На карте России представлены все наиболее известные фигуры из классического советского пантеона, именами которых был перенасыщен культурный ландшафт, — Ленин, Киров и Куйбышев. Ленинград ушел в историю¹, но Санкт-Петербург по-прежнему окружает Ленинградская область (вообще в России область всегда была консервативнее ее центрального города, и периферия спокойно сохранила «устаревшие» названия, как осталась Свердловская область со столицей в Екатеринбурге). Имя Ленина сохранили города Ленинск (Волгоградская область) и Ленинск-Кузнецкий (Кемеровская область).

Самым нейтральным оказался неодиозный и «пострадавший» при Сталине Киров, с которым возрожденческая тенденция вовсе не боролась. Поэтому Сергей Миронович превосходно представлен в русском культурном ландшафте: областной центр Киров, с которым соседствует Кирово-Чепецк, а также сразу два Кировска — в Ленинградской и Мурманской областях, Киров в Калужской области и Кировград в Свердловской. Нейтрально, как обычный государственный деятель воспринимается и Куйбышев. Самара рассталась с его именем в силу своего статуса и истории, но по соседству остался Новокуйбышевск, а в Новосибирской области был и есть свой Куйбышев. По-прежнему «маркируют» русский ландшафт и более сложные фигуры Калинина (Калининск в Саратовской области) и Дзержинского (Дзержинск в Нижегородской области и город Дзержинский буквально через дорогу от «демократической» Москвы).

Российская топонимика насыщена и представителями всего советского пантеона героев ратного и трудового подвига, а также менее крупными партийными деятелями. Рассматривая карту, можно легко обнаружить на ней имена героев гражданской войны (Чапаевск в Самарской области, Котовск — в Тамбовской, Буденновск в Ставропольском крае) и революционных писателей того времени (Беднодемьяновск, Фурманов, Сегафимович). На своих местах и другие культовые фигуры — Гагарин, Чкаловск², а также крупные ученые — Мичуринск (плюс Новомичуринск), Курчатов, Чаплыгин. Советский топонимический архипелаг включает такие названия, как Ногинск, Артем, Кингисепп, Бабушкин, Володарск, Демидов, Лакинск, Тутаев, Чекалин, Рощаль, Сквородино и др. Даже удостоенный аналогичной чести теоретик анархизма Кропоткин по-прежнему имеет «свой» город в Краснодарском крае. «Красивые» старин-

¹ Но остались его производные — городские районы под названием Ленинградский, кубанская станица — райцентр Ленинградская.

² Оренбург давно расстался с именем Чкалова, но маленькому городку это название неплохо подошло — как бы в соответствии с уровнем и ролью летчика во всей русской истории.

ные названия «со стажем», такие как Богородск, Романово-Борисоглебск, Св. Крест, Спасск, Ямбург, Раненбург, Козлов, а также гордая казачья станция Усть-Медведицкая не сумели вернуть свои имена в историческом споре с советскими названиями³.

Кстати говоря, сохранился на карте страны и Андроповский район в Ставропольском крае. В этом тоже есть свой исторический смысл, все-таки Андропов — культовая фигура для части населения, на географической карте он обыграл и пережил и Брежнева, и Черненко. Правда, волею исторической судьбы сегодня Андроповский район — место производства Coca-Cola.

Низовой уровень топонимики по-прежнему выглядит вполне советским, что только подчеркивает поверхностность возрожденческого процесса. Сельские и городские районы, улицы, поселки, хозяйства сплошь носят свои советские названия, не исключая все центры «ландшафтной революции». Своеобразные символы резкого торможения в перестройке культурного ландшафта — Ленинский район Екатеринбурга, Калининский и Кировский районы Санкт-Петербурга.

Важно отметить, что специальной географии в этом трансформационном процессе нет. Нельзя говорить о неких поясах русского или, напротив, советского традиционализма на карте страны, о зонах, где победила та или иная тенденция. Весь неоднозначный, сложный процесс лег ровным слоем на карту России. Конечно, выделились и поменяли имена центры «демократической революции» Ленинград и Свердловск вместе с Горьким, Куйбышевым и подмосковным по меркам современной «большой» России Калинин⁴. Но уже на выезде из Москвы начинается Ленинский район — один из ведущих районов Московской области.

Характерно, что все «нейтральные» советские названия полностью сохранились на карте, и речи об их изменении просто не шло. Вполне органично вписался в ландшафт Краснодар, город на порядок консервативнее Екатеринбурга (хотя в Краснодаре есть телекомпания «Екатери-

³ Неплохо воспринимается населением и иная советская классика, не вызывающая почти никакого отторжения в регионах. Второй по величине город Хабаровского края как и прежде называется Комсомольском-на-Амуре, что в принципе соответствует его историческому происхождению. Есть свой Комсомольск и в Ивановской области. В Ленинградской области можно обнаружить город Коммунар. Первомайск имеется в Нижегородской области, Октябрьск — в Самарской, Пролетарск — в Ростовской, а Красноармейск есть и в Московской, и в Саратовской областях. Город Советск расположен в Калининградской области, тогда как на другом конце страны — в Хабаровском крае принимает корабли Советская Гавань.

⁴ Как известно, переименованию Санкт-Петербурга предшествовал опрос населения в июне 1991 г. по типу местного референдума, и эту идею поддержали немногим более 50% избирателей. Тогда же, кстати, активно предлагалось восстановить «русское» название — Петроград.

нодар»). Не собирается дополнять свое название «старомодным» Вознесенском Иваново, считая это явным излишеством. Не было серьезного стимула к изменению квазитрадиционных и посттрадиционных названий, присвоенных в советское время, но восходящих к более глубокой традиции⁵.

Итак, «советское сопротивление» оказалось мощным фактором, остановившим восстановительную тенденцию перестроечного периода. Консерватизм и инертность сознания, превращение советской истории в достаточно глубокую традицию стали серьезнейшим барьером на пути диффузии «традиционалистской инновации».

Сейчас вопрос о восстановлении старой топонимики изредка будируется, но тема переименования явно прошла. Есть, например, идея присвоить подмосковному Дзержинскому новое имя Угреша по расположенному здесь старинному монастырю. Время от времени высказывается возмущение тем фактом, что одна из станций московского метро носит имя цареубийцы Войкова. Однако сегодняшняя российская топонимика явно застыла и уже не развивается ни в ту, ни в другую сторону.

Некоторые ситуации просто являются тупиковыми. Ведь есть целые ареалы, отошедшие к Советскому Союзу от других государств и полностью поменявшие свою топонимику. Возвращение к историческим названиям здесь невозможно, поскольку оно будет означать уступку прежним владельцам территории. Самые яркие примеры — это Калининградская область и Карельский перешеек, усыпанные «советскими» именами. Однако в основном эти названия имеют природное происхождение, или связаны с именами, не вызывающими большого отторжения (например, герои войны в Калининградской области). Советск в Калининградской области — это скорее исключение, чем правило, зато карта наших «новых территорий» пестрит нейтральными названиями типа Приморск, Зеленогорск, Светогорск, Полесск, Озерск, Приозерск и т.п.

Хотя, конечно, тема собственно Калининграда жива, и дискуссия вокруг имени этого города является крупнейшим «тестом на разрыв» современного российского сознания. Попытка по известному польскому образцу переименовать экс-Кенигсберг в его русскую кальку Княжгород общественной поддержки не получила, и все опять свелось к противополо-

⁵ Например, питерские пригороды по-прежнему называются Пушкин, Петродворец и Ломоносов, хотя Петрокрепость все-таки стала Шлиссельбургом. Укоренились изобретенные в советское время Лермонтов в Ставропольском крае и Суворов в Тульской области, а также подмосковное Пушкино. Не стали возвращаться к старым именам города, названные в честь дореволюционных деятелей, героизированных в советскую эпоху, — Пугачев и Белинский. Остались и все «нейтральные» названия, присвоенные русским городам вместо исторических. Например, Приозерск остался Приозерском, хотя он «испокон веку» был Корелой, Кехсгольмом и Кякисалми.

ставлению двух крайне спорных вариантов — нынешнего и немецкого. Недавно губернатор области В. Егоров в резкой форме выступил против инициаторов голосования на интернет-сайте за переименование Калининграда в Кенигсберг, заявив, что город называется и будет называться Калининградом. Это имя стало символом уже не советской эпохи, а сопротивления «германизации», некой новой «обороны города», актуальной в связи с геополитическими проблемами вокруг анклава. Примечательно, что только сейчас «затерянная» в хитросплетениях пространства и времени Калининградская область начинает решать вопрос о собственной символике: областная администрация объявила соответствующий конкурс.

Любопытной «термидорианской» тенденцией стала «новая красная волна» в отдельных регионах, приведшая к частичному восстановлению советской символики. Особенно заметной эта дереволуционизация — как антитеза ретрадиционализации оказалась в регионах с «красными» губернаторами и сильными позициями КПРФ в законодательных органах власти. Сейчас в поиске левыми новых политических находок она стала основой «красного пиара». Именно сейчас волгоградские коммунисты активно поднимают вопрос о восстановлении «исторического» названия Сталинград, которое, справедливости ради надо сказать, действительно вошло в мировую историю. Существуют серьезные намерения провести по этому вопросу референдум. Довольно характерно и восстановление памятников Ленину: здесь особенно интересен рязанский казус, где памятник вождю на центральной площади был со скандалом демонтирован мэром-демократом во время событий 1993 г., а после прихода к власти коммунистов вернулся на свое законное место.

Итак, на примере топонимики и иных внешних символов мы видим, что коренной трансформации культурного ландшафта в последние 10—15 лет не было. Скорее можно говорить о борьбе двух тенденций — охранительной советской и возрожденческой традиционалистской. Последняя отвоевала себе место под солнцем, но в очень ограниченных масштабах и не стала основой новой региональной идентичности. Не произошло и явного отторжения советского периода, выкорчевывания его пластов. Напротив, он был в значительной степени интегрирован в «неприкосновенный запас» культурного наследия. Например, избавляясь от неуместного имени Калининград, подмосковный город принял себе имя Королев в честь советского же деятеля, но связанного не с идеологией, а с мировой славой отечественной науки.

Для того чтобы глубже понять и прочувствовать происходящие сегодня процессы, рассмотрим, как идет насыщение культурного ландшафта новыми или хорошо забытыми старыми символами. Здесь опять-таки можно говорить о сложной борьбе противоречивых тенденций.

Процессы демократизации способствовали тому, что культурный ландшафт стал интенсивно насыщаться различными новообразованиями. Не будем переоценивать степень общественного интереса к этим явлениям, но сам этот процесс заслуживает особого внимания.

Главную линию в новом насыщении культурного ландшафта символами можно назвать неотрадиционализмом. В сущности, вся она обращена в прошлое и именно там черпает свое вдохновение. Однако чистая регенерация старых форм по типу восстановления в Москве храма Христа Спасителя, Казанского собора на Красной площади и Воскресенских ворот уже не является самым ярким символом нашей эпохи. Более активным и интересным процессом стало дополнение культурного ландшафта теми историческими символами, которые не успели или не смогли в него встроиться в советскую эпоху.

Здесь, например, особый интерес привлекает деятельность известного скульптора В. Клыкова, проекты которого как раз и способствовали пополнению культурного ландшафта новыми символами, имеющими четко традиционалистский характер. Прежде всего это памятники Сергию Радонежскому в Городке⁶ и многострадальный — Николаю Второму в Подмосковье, подвергавшийся нападениям левых экстремистов. При этом В. Клыков в соответствии с известной политической тенденцией попытался органично вплести в «единый и неделимый» русский ландшафт и символы Великой Отечественной войны — памятник маршалу Жукову, комплекс на Прохоровском поле.

Не удалась только третья составляющая, вызвавшая резкое сопротивление коммунистов и непонимание большинства, — восстановление памяти о белом движении. Идея установки памятника адмиралу Колчаку на стрелке в Иркутске, где он был расстрелян большевиками, не нашла поддержки и по-прежнему страшно далека от воплощения. Поэтому В. Клыкову пришлось заняться проектом личного характера — созданием копии храма Покрова на Нерли в родных Мармыжах Курской области.

Неотрадиционалистскую линию отражают и иные многочисленные «новоделы», призванные восстановить или укрепить русское историческое сознание, сделать его частью визуального ландшафта. Сюда, конечно же, относится строительство храмов в сырьевых районах нового освоения, где советская власть, естественно, ничего подобного не делала. Этот процесс продвигается весьма торжественно, с привлечением

⁶ Первая попытка установить этот памятник стала и первым крупным столкновением традиционалистов с еще живой советской системой. Поход в Городок 20 сентября 1987 г., в котором участвовала «Память» Сычева, закончился конфликтом с милицией, и памятник был установлен только через полгода.

спонсорских средств и участием патриарха в освящении храмов, особенно на севере Тюменской области⁷.

Достаточно активно пополняется новыми символами былых исторических эпох и культурный ландшафт ведущих культурных центров — Москвы и Санкт-Петербурга. Достаточно сказать о питерских памятниках Александру Невскому, Гоголю и Тургеневу, московских — Петру Первому (знаменитое спорное творение З. Церетели), Пушкину и Гончаровой, Достоевскому и др. Усилиями Б. Немцова вброшена идея о восстановлении в Москве памятника Александру Второму, которую поддержал Ю. Лужков⁸.

Традиционалистски окрашенным обогащением ландшафта занялись и другие российские центры, хотя с заметно меньшей энергией. Так, Ярославль возвел памятник Ярославу Мудрому, а культ П. Столыпина в Саратовской области имел одним из последствий возведение памятника этому видному государственному деятелю и бывшему саратовскому губернатору в его бывшем поместье, также к случаю переименованном в Столыпино.

Советский период также подвергся переосмыслению с точки зрения «вечных ценностей». Так, военная тематика осталась нетронутой и продолжала развиваться, особенно в регионах Курской дуги. Белгородская область построила крупный мемориальный комплекс на Прохоровском поле, а традиционно конкурирующая с ней Курская пытается достроить знаменитый проект А. Руцкого — Триумфальную арку на окраине города. Сейчас не хочет оставаться в стороне и Воронеж. Хотя он не так прославился в годы войны, власти города начали активно выступать за присвоение Воронежу статуса города-героя.

Нельзя не заметить и появление в культурном ландшафте символов, которые в советское время не получили официального признания, став в то же время неотъемлемой частью русской культуры. Вологда восстановила историческую справедливость в отношении Н. Рубцова, поставив ему памятник. Москва увековечила память бардов В. Высоцкого и Б. Окуджавы, клоуна Ю. Никулина⁹.

Разумеется, в обновляемый ландшафт вошла и память о репрессиях, особенно в виде грандиозного памятника Э. Неизвестного под Магада-

⁷ Создание храмов, кстати, позволило приостановить бурный процесс развития протестантских и иных сект в северных городах, изначально лишенных православной религиозной доминанты.

⁸ Кстати, в Петербурге так и не решились вернуть на законное место не вызывающий особого общественного энтузиазма памятник Александру Третьему работы Паоло Трубецкого, продолжающий «прятаться» под стеной Русского музея.

⁹ Любопытно, что имя В. Высоцкого сейчас охотно присваивают улицам в новых северных городах.

ном. Повсеместно строятся памятники «афганцам». Однако попытки увековечения памяти белого движения, как уже говорилось, закончились почти ничем (разве что в Иркутске появился сорт пива «Адмирал Колчак»). Не нашли общественной поддержки и «примиренческие» инициативы, в некотором смысле пересматривающие отношение к войне. Достаточно сказать о жестком сопротивлении попыткам создать немецкие мемориальные кладбища в Волгограде и Ржеве (сейчас кипят баталии в Ржеве). Реализовалась разве что инициатива в связи с менее актуализированной в общественном сознании советско-финской войной: в Питкярантском районе Карелии появился Крест скорби в память обо всех погибших, в открытии которого участвовали финские и карельские государственные деятели.

Таким образом, в последние годы, несмотря ни на что, русский культурный ландшафт обрел большую законченность, стал более или менее полноценным и всеобъемлющим в своих визуальных и топонимических формах.

Весьма позитивен и тот факт, что ландшафт все-таки продолжает развиваться, обогащаясь новыми, современными формами, хотя они и сталкиваются со сдержанной реакцией общественности. Наиболее интересным здесь стало творчество питерских авторов, особенно Р. Габриадзе и А. Битова, переосмысливших старые формы на современный лад. Результатом стала целая серия «фантазийных» памятников литературным персонажам — Нос гоголевского майора Ковалева, Чижик-Пыжик на Фонтанке, наконец, пушкинский «заяц-спаситель» в окрестностях Михайловского. Нехарактерно, но небезынтересно выглядит памятник Петру Первому работы М. Шемякина, появившийся в Петропавловской крепости. В Москве определенные аналогии можно провести с творчеством З. Церетели, смешавшего традиционные и современные формы и так или иначе обогатившего культурный ландшафт столицы.

Любопытной формой современного творчества стало и создание памятников популярным литературным персонажам из культовых произведений советского периода. Теперь в Москве на Курском вокзале можно обнаружить памятник Венечке Ерофееву, а в Петушках — его возлюбленной. Петербург счел для себя обязательным памятник Остапу Бендеру. По сути, из тени были выведены советские андеграундовые, неофициозные символы, которые теперь удобно расположились в культурном ландшафте. Крайним примером нового творчества стало установление в Ульяновске (Симбирске?) памятника букве «Е», которую заодно связали с именем Н. Карамзина. Москва тем временем обогатилась спорным памятником детям — жертвам пороков взрослых работы М. Шемякина.

Довольно интенсивное и разнообразное по форме пополнение культурного ландшафта в современный период так или иначе вписывается в

возрожденческую тенденцию. Застряв на уровне топонимики, она значительно легче пошла на уровне отдельных культурных символов, вписанных в ландшафт, прежде всего памятников. Эта тенденция получила разные формы — от прямого восстановления разрушенного в советский период до постмодернистских толкований русской истории и литературы. Жесткое сопротивление встретили только попытки пересмотра итогов Великой Отечественной и Гражданской войны, которые не прошли ни на каком уровне. Не запечатлен в ландшафте и постсоветский пласт, который пока не стал историей и не вызывает уже особого энтузиазма¹⁰.

В целом заметно, что новое ландшафтное творчество тяготеет к идеологической нейтральности, избегая лобовых дискуссий¹¹. Сегодня мы имеем дело с «постсоветизацией» культурного ландшафта, специфической политико-культурной агломерацией символов. Произошло его насыщение новыми формами, которые главным образом представляли собой хорошо забытое старое — восстановление или стилизацию старины. Совершенно новых форм оказалось мало в связи с отсутствием новой мощной культурной основы: скорее начались постмодернистские изыски на традиционные темы типа «пушкинского зайца» или буквы «Е», и разве что несчастных «шемякинских детей» можно назвать полностью инновационным творчеством. При этом разрушение советских форм оказалось также весьма ограниченным. Восторжествовала начала идеологической нейтральности и внешней толерантности, «добрососедства» казалось бы несовместимых форм, отразившие неготовность общества к постоянному воспроизводству идеологического противостояния. По сути, все стороны — «красные» и «белые» получили возможность найти в ландшафте что-то свое и этим удовлетвориться. Характерный образ эпохи — центральная площадь Липецка, которая официально носит двойное название — Ленина и Соборная. Этот ландшафтный коктейль, или, если угодно, синтетический ландшафт, является сегодня крайне рыхлой, слоистой основой, на которой строится региональная идентичность.

¹⁰ Редкий пример — использование имени одного из лидеров «демократической революции» А. Сахарова, например, в названии московского проспекта.

¹¹ Например, та же топонимика городов, впервые получающих свои собственные «нормальные» названия, — ЗАТО — носит сугубо нейтральный, природный характер. Редким исключением стал Саров, названный в память о Серафиме Саровском, хотя это название с трудом сочетается с одним из ведущих мировых центров ядерной физики. В остальном же «закрытые города» сплошь и рядом подчеркивают свою связь с природным ландшафтом, несмотря даже на повторы уже имеющих названия, — Железногорск (повтор с городом в Курской области), Зеленогорск (повтор с Ленинградской областью), Озерск (повтор с Калининградской областью), Снежинск, Трехгорный, Лесной, Северск, Новоуральск, Среднеуральск. Эта традиция возникла еще в 1970—1980-е гг., когда названия новых городов все чаще становились абсолютно неидеологичными (Ноябрьск, Радужный и пр.).

Регионы России в поисках самости

Итак, российские регионы стали с некоторых пор субъектами федерации, началось превращение областей в «русские штаты». Чтобы стать полноценным «штатом», регион должен оформить и осмыслить свой культурный ландшафт, выделить главное, запечатлеть его в своей символике. В этой связи особенно интересно, в каком сочетании регионы используют культурное и природное наследие, какое из них оказывается более значимым, какой баланс культурных и природных форм возникает в каждом конкретном случае региональной идентичности.

Политико-государственные формы структуризации пространства очень сильны в России. Поэтому в основе ее дифференциации находится сетка субъектов федерации как первичных территориальных образований, создающих себе идентичность. Подавляющее большинство краев и областей названы в России по своим административным центрам, т.е. на уровне официальной топонимики они являются управленческими системами «центр — периферия», идентичность которых является производной от идентичности региональной столицы. Природно-географическое начало оказалось первичным лишь в редких случаях, в основном на Дальнем Востоке — Приморский край, Амурская, Камчатская, Сахалинская области, а также в Алтайском крае. Вся Европейская часть России — это сплошь области, названные по своим центрам.

Такой тип региональной идентичности выглядел бы естественным в условиях унитарного государства, где административное деление зачастую не имеет специального политико-культурного смысла. Но теперь, превратившись в субъекты федерации, регионы пытаются уйти от административного официоза, стать ближе к культурному ландшафту. В этом им препятствует отсутствие в России глубокой традиции с ясным и четким делением страны на культурные провинции, превращенные в политические сообщества со своей историей и своей гордостью. Поэтому в процессе обретения регионами идентичности природный ландшафт обычно побеждает культурные слои. Можно сказать, что «русские штаты» вырастают из природного ландшафта, но по возможности стремятся поместить в него свои культурные символы. Сказывается и влияние советского наследия, которое местами становится самодовлеющим.

Для анализа современной региональной идентичности и ее ландшафтных корней проведем три case-studies — региональной символики, региональной самоидентификации и региональных политических движений.

1. Региональная символика

Развитие региональной символики является мощным стимулом развития идентичности. Это и следствие актуальной федерализации России,

и действенный фактор ее укоренения и популяризации. Процесс развития региональной символики проходил в России достаточно медленно и в чем-то искусственно, на фоне серьезных споров, конкурсов и т.п. Многие регионы до сих пор не имеют официально утвержденных символов. Совсем плохо обстоят дела с региональными гимнами, поскольку осознанной потребности в этом символе у субъектов федерации, как правило, нет, и смысла в торжественном прослушивании двух гимнов — национального и регионального региональные сообщества не видят. С гербами дело, наоборот, обстояло гораздо проще, поскольку они были и у дореволюционных губерний, и у советских городов. Поэтому здесь наиболее естественным было восстановление старых традиционных форм. Самым интересным нам видится процесс введения региональных флагов, которые являются совершенно новой формой региональной символики. Создание флагов — это важнейшая новация в процессе становления региональной идентичности, отражающая современный поиск и в то же время впитывающая и синтезирующая традиционные формы.

Итак, в каком соотношении оказались природа и культура в современной региональной символике? Какие элементы ландшафта ложатся в основу форм и символов региональной идентичности?

Если говорить о примерах нового регионального творчества, то заметно, что в основу региональной символики был положен природный ландшафт. Особенно четко эта тенденция прослеживается в Восточной России — на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, где укорененных исторических символов было не так много. Главными региональными символами стали река и лес, определившие активное использование синего и зеленого цветов на региональных флагах. На Севере к ним прибавился третий русский символ — снег, представленный белым цветом. Русская провинция оказалась в природной бело-сине-зеленой гамме с редкими красными вкраплениями, символизирующими в каждом случае что-то свое (в чистом виде это — флаг Тюменской области, бело-сине-зеленый с красным треугольником). Природная гамма оказалась гораздо сильнее традиционной геральдики, европейских бело-сине-красных гамм, символизирующих культурно-исторические моменты.

Так, если проанализировать ряд сибирских и дальневосточных флагов, их расцветка оказывается довольно похожей и характерной. Флаг Хабаровского края сочетает зеленый, белый и голубой цвета. Зелено-синим является флаг Ханты-Мансийского АО. Флаг Иркутской области состоит из двух синих полос, символизирующих Байкал и Ангару, и «снежной» белой полосы. В Кемеровской области белый и зеленый цвета дополнили «угольным» черным.

Вообще на примере Сибири мы наблюдаем, как природа превращается в культуру, поскольку белые и зеленые цвета можно назвать и си-

бирскими «национальными» цветами со времен Колчака и областничества. Органично и добавление к ним синего цвета. Однако такие расцветки не являются сибирской монополией, на этой природной гамме основана символика значительной части всей Восточной России. Например, бело-сине-зеленым является флаг Свердловской области, бело-зелено-белым — флаг Курганской области. У южных регионов Сибири появляется желтый цвет, символизирующий степь. Так, флаг Читинской области выглядит очень евразийским по своему глубинному смыслу: он сочетает зеленую (лес, тайга) и красную (недра) полосы с желтым — степным — треугольником.

При этом понятно, что введение в региональную символику леса и снега, равно как и степи, не может индивидуализировать регион, оно лишь подчеркивает специфику, которая в общем-то свойственна и для соседних территорий. Индивидуализирующую роль в российском случае играет река, которая стала ключевым элементом в региональной символике. Поэтому речная идентичность стала мощнейшим индивидуализирующим фактором региональной идентичности, дополнив более распространенные и «обезличенные» символы леса, степи и снегов.

Характерно, что именно реки фигурируют в немногочисленных примерах региональных гимнов. Старинный гимн Краснодарского края начинается со слов «Ты, Кубань, ты наша родина» (в отношении реки используются эпитеты «многоводная», «раздольная»). Похожим смыслом наделена первая строчка нижегородского гимна «Родные дали с Волгой и Окою». Символы рек используются и непосредственно на флагах. Так, Волга и Дон представлены двумя синими линиями на флаге Волгоградской области. Волнообразный пояс на флаге Амурской области изображает, естественно, Амур.

Кроме того, регионы с удовольствием выносят на свои флаги и гербы наиболее характерных представителей местной флоры и фауны, не являющихся при этом геральдическими символами. Приморский край, естественно, поместил на флаг уссурийского тигра. Соседний Хабаровский край использует на гербе изображение другого животного — белогрудого медведя. Свообразно выглядит флаг Таймыра — крупное изображение красной казарки на синем фоне. На уральских и сибирских гербах охотно помещаются соболя (Свердловская, Тюменская области). Интересен флаг Иркутской области, на котором изображен полумифический бабр с соболем в пасти, обрамленный кедровыми ветвями. Как особый региональный казус прижился даже «одиозный» тамбовский волк, не на гербе, конечно, но в более обыденных сюжетах типа названия местной водки-сувенира.

Роль природного ландшафта в региональной символике Восточной и Западной России различается. В Сибири, где у регионов нет столь

глубоких исторических корней, природа как бы размещена на поверхности местных символов, став одновременно культурой и основой еще «сырой» идентичности. Она далеко не всегда позволяет подчеркнуть индивидуальность конкретного региона, хотя «одной строкой» ввести ее обычно можно (иркутский бабр, кемеровская «угольная полоса», «амурская волна» и др.).

В Европейской части России природа уже получает исторический смысл, лучше индивидуализируется через конкретные объекты, выводится на уровень традиционной геральдики. Например, брянский лес — это уже история, память Великой Отечественной войны, и не случайно он нашел свое место на флаге и гербе Брянской области в образе золотой ели. Изначально более близкий к биогеографической реальности лось с годами превратился в оленя, который является известным символом Нижегородчины. Вписались в традицию региональных символов саратовские стерляди и даже экзотичный челябинский верблюд, хотя сейчас он выглядит очень странно для промышленно развитого региона. Ярославский медведь, очевидно, воспринимается как исторический символ и геральдический знак¹². То же можно сказать и о пермском медведе, несущем евангелие. В то же время хабаровский медведь еще не «прижился» как отличительная черта, символ именно Хабаровского края.

Итак, природный ландшафт активно задействован в региональной символике. Однако в российских условиях он не может подчеркнуть уникальность территории, поскольку лес, снег и вода имеются везде и, сложись так историческая судьба, могли бы стать основой российского флага. Поэтому культурное наследие — там где оно ярко и выпукло — стремится сыграть свою определяющую роль. Но здесь опять-таки возникает проблема многослойности истории, и неотрадиционализм древних центров вступает в конфликт с российско-советским дуализмом и просто советским, и, кстати, совсем не подчеркивающим индивидуальность территорий, ренессансом.

Самым очевидным отражением возрожденческой тенденции является восстановление исторических гербов и их размещение на региональных флагах. Это — дань традиции, красивое и торжественное губернское наследство, хотя, к сожалению, мало кому понятное в деталях. Есть добротные, укорененные региональные символы, имеющие и культурный, и природный смысл. Например, скипетр и якоря в Санкт-Петербурге (Ленинградская область превратила их в якорь и золотой ключ от

¹² Многие «природные» символы регионов «старой» — Западной России имеют сугубо геральдический смысл, никак не соответствуя реальной природе. Таков, например, псковский барс. На белгородском гербе черный орел и золотой лев символизируют победу Петра и поверженных шведов (другой вопрос, почему символы Полтавской битвы оказались присвоены белгородцами?).

Балтики), пензенские золотые снопы, костромской «орлиный корабль», ставропольская серебряная гора с крепостью и дорогой. В таких регионах можно говорить о хорошо развитой, укорененной идентичности (как, например, и в Тульской области, сделавшей своими символами изображения оружия). В восточных регионах попытки стилизовать идентичность под старину выглядят не столь органично. Действительно, непонятно, в чем смысл помещения короны Царства Сибирского на гербе Кемеровской области, одного из самых «неисторичных» регионов Сибири, и что должен был делать мифический Симаргл на челябинском гербе.

Хорошим примером неотрадиционализма стала символика Ростовской области и ряда центральных регионов. Ростовская область практически целиком списала свою идентичность с Войска Донского, хотя это и вызвало недовольство «неказачьих» районов. Но так или иначе здесь был введен разработанный атаманом Красновым в 1918 г. сине-желто-красный флаг, дополненный, однако, белой вертикальной полосой, означающей единство «казачьей вольницы» с Российской Федерацией. Известная песня Ф. Анисимова 1853 г. «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон» стала ростовским гимном (опять же понятие «православный» вызвало большие споры).

Ренессанс наблюдается в некоторых старинных княжеских городах, прежде всего в Тверской и Рязанской областях. На флаге Тверской области центральным элементом стал княжеский стол (трон) — чем не символ былого противостояния с Москвой? Рязанская область взяла за основу золотой цвет рязанских ротных знамен и изобразила на флаге фигуру князя. Другой ведущий центр Древней Руси — Смоленск сделал своеобразную стилизацию под «русский ренессанс»: красные полосы на флаге означают три войны, которые перенесла Смоленщина, золотые — возрождение, их связывают с цветами птиц Феникс и Гамаюн (изображена на областном гербе).

Однако свое веское слово в процессе формирования региональной символики сказала советская история. Ее присутствие в региональных символах играло скорее деиндивидуализирующую роль, подчеркивало принадлежность регионов к российскому «красному поясу», а не их автономное развитие и поиск самости. Так, Омская область просто приняла в качестве «своего» отмененный флаг РСФСР. Аналогичное решение предлагалось в Рязанской области спикером-коммунистом. Вообще, красно-синяя гамма цветов флага РСФСР была положена в основу многих флагов преимущественно прокоммунистически настроенных регионов — Амурской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Костромской областей.

Более или менее органично и индивидуально советская основа региональной символики выглядит в немногих случаях. Так, на гербе

Брянской области изображен серп и молот, означая, что область была создана при советской власти. В качестве областного гимна используется известная военная песня «Шумел сурово брянский лес» (тот самый, который изображен в виде золотой ели). В этом есть, конечно, определенный смысл. Логично и помещение на флаге Волгоградской области фигуры Родины-Матери. Зато символом русско-советского «коктейля» стал флаг древнейшей Владимирской земли, где на основе флага РСФСР размещены серп и молот и большая геральдическая фигура европейски-средневекового золотого львиного леопарда в центре — своеобразный аналог центральной площади Липецка.

Интересно отметить, как регионы подчеркивают в своей символике геополитическое положение. Характерна подчеркнутая лояльность окраин, ставшая фактором территориального единства России: при всей тяге к автономии края и области не хотят нарушать субординацию. Выше говорилось о специально введенной белой полосе на ростовском флаге. В Приморском крае с этой же целью специально использовали цвета российского флага (они же положены в основу флага противоположного — балтийского «окна», т.е. Ленинградской области). Единственный островной регион России — Сахалинская область, не мудрствуя лукаво, гарантировала уникальность своего флага, поместив на синем фоне свое изображение. Такой флаг — это и вызов Японии, ведь на нем в составе области показана и южная часть Курильской гряды. Брянская область подчеркнула свое уникальное положение на границе России, Белоруссии и Украины: на ее «панславистском» гербе расходятся три золотых луча.

Российская региональная символика представляет сложную и странную картину. В большинстве случаев она не вошла еще в плоть и кровь региональной культурной жизни. Далеко не всегда она сумела подчеркнуть региональную индивидуальность. Стремление опереться на элементы природного ландшафта очевидно¹³, но не может заменить уникальные культурные особенности. Хотя любопытно, что не все регионы захотели использовать и подчеркнуть уникальность своей культуры и многие сделали уступку советскому консерватизму. В результате почти лишились исторической доминанты в своей символике Владимирская и Омская области, в отличие, например, от подчеркнута великокняжеских Тверской и Рязанской. Волгоградская область тоже стала своеобразным «советским островом» между Саратовом и Астраханью.

¹³ Причем не только на Востоке. На флаге Белгородской области есть черный цвет (черноземы), зеленый (леса и поля), белый (мел, молоко, сахар), а также красный (пролившая кровь). Пятицветный флаг Курской области тоже стал своеобразным портретом территории.

2. Региональная (обыденная) самоидентификация

Развитие региональной символики далеко от своего завершения. Понятно, что десятки российских регионов не в состоянии в один момент создать себе единственно правильную систему символов, понятных, популярных и не похожих на другие. Все они находятся в творческом поиске, и многие символы еще будут меняться. Не меньшую роль для повышения самосознания регионов играет сегодня их самоидентификация. Через нее регионы также пытаются обрести себя.

Россия представляет собой многоуровневую ландшафтную систему. Соответственно и региональная идентичность не относится к одному лишь уровню субъектов федерации. Последние должны найти себе место в общероссийской и макрорегиональных системах идентичности и одновременно консолидировать «микрoидентичности» своих составных частей.

Анализируя современную региональную идентичность, опять сталкиваешься с проблемой многослойности русской истории. Те названия, которые являются и кажутся традиционными, на самом деле могут иметь совсем небольшую историю. В сущности, все дореволюционное представляется нам традиционным. В то же время нельзя забывать, что по мере развития и расширения Российского государства региональная идентификация и самоидентификация часто менялись. Современному жителю российской провинции совершенно ни о чем не говорят названия русских политико-культурных ареалов XV—XVII вв. Хотя при иных обстоятельствах (например, прекращении территориальной экспансии) эти названия могли бы законсервироваться в качестве названий наших культурных провинций, как это случилось в Европе. Потеряно содержание таких географических понятий, как Литовская или Немецкая Украина, Низ (Понизовье), Северская земля. Мало кто поймет, что такое замосковные города и чем Замосковье отличается от нынешнего Подмосковья. Ушли в прошлое представления об Украине-окраине и Поле, от которого, а совсем не от Польши, происходила тогдашняя идентификация городов как «польских». Хотя некоторые реликты старинного деления Руси дожили до сего времени — Поморье, Вятка, Дон, Пермь (правда, уже не Великая). Эти факты свидетельствуют о том, что региональная идентификация в России — феномен весьма подвижный, меняющийся вместе со всей русской историей и географией.

Первый уровень региональной идентичности представлен в России макрорегионами, которые с оговорками можно считать общепризнанными и широко известными. Действительно, в принципе примерно (очень примерно) ясно, что Россия делится на Центр, Север, Юг, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток (можно выделять и Черноземье). Это деление было отражено советскими экономическими районами, которые

имели неплохой культурно-исторический смысл. Хотя макрорегиональный уровень российской географии сильно размыт и не может быть передан через четкие границы — это общая проблема размытости российского культурного пространства. Здесь достаточно регионов-лимитрофов, территорий с «двойным гражданством». Довольно искусственное выделение в советский период Волго-Вятского и Центрально-Черноземного районов отражало наличие этой проблемы.

Недавно Россия пережила новую попытку политико-административного оформления своего макрорегионального уровня — создание федеральных округов. Развитие горизонтальных связей внутри округов стало фактором усиления макрорегиональной идентичности. Однако и здесь решить проблему разнесения регионов по тем или иным ячейкам не удалось. Известно, что границы округов вызвали множество споров и открытых проявлений регионального недовольства. Особенно большие вопросы спровоцировало «уральское смещение», когда регионы к западу от Урала втянули в единую Волго-Уральскую систему, названную, однако, Приволжским (не Поволжским!) округом. Соответственно, Башкирия, Пермская и Оренбургская области как бы лишились своей уральской идентичности. Симметрично к Уралу подтянули часть Западной Сибири в виде всей «большой» Тюменской области, которую сложно назвать Уралом (в лучшем случае — Зауральем).

Интересен и еще один момент, связанный с созданием Южного округа. Как известно, изначально этот округ назывался Северо-Кавказским, но название встретило большое сопротивление ряда «русских» регионов, особенно расположенных на Нижней Волге и не имеющих с Кавказом ничего общего. Поэтому Юг стал реальным и приемлемым понятием, а кавказская идентичность была отвергнута.

В процессе окружного строительства были нарушены и «исконные права» некоторых территорий. Например, явно занижен статус Самары, поскольку центром Приволжского округа стал Нижний Новгород, несмотря на откровенный эксцентриситет. Зато понижением неформального статуса Самары может быть удовлетворен Саратов, в пику своему соседу провозглашавший себя столицей Поволжья. В итоге лавры достались Нижнему.

Проблема нарушения региональной идентичности при создании федеральных округов еще раз свидетельствует об отсутствии в России ясных внутренних границ с исторической традицией. Но при этом сам макрорегиональный уровень идентичности стал в России реальностью, с чем связана и борьба регионов за восстановление «правильной» идентичности — уральской, южной и др., и внутренняя конкуренция за лидерство в пределах макрорегионов (схватка за поволжскую столицу).

В нашем исследовании главное внимание уделяется базовому уров-

ню — субъектам федерации. Для многих из них сегодня характерен процесс поиска «второго имени», синонима, позволяющего снять официозный налет с обычного наименования области. Этот процесс можно хорошо анализировать через названия СМИ, организаций, напитков (особенно пива и водки) и т.п. Регионы изобретают себе и обыденные названия, и «торжественные», как бы заменяющие наскучивший официальный вариант. Вместо радикальной трансформации топонимики идет ее обогащение.

Итак, что лежит в основе региональной самоидентификации. Рассмотрим, как выглядит современная русская география в ее обыденных и слегка политизированных культурных формах.

В первом приближении очевидны традиционные географические антиномии. Они играют роль осей координат, на которых регионы стремятся найти свое место и даже отстоять его от соседей. Это антиномии «центр — периферия», «Север — Юг», «Запад — Восток» и «Европа — Азия».

Если говорить о первой антиномии, то заметно, как отдельные регионы борются за статус центра первого порядка, самоопределяясь в (ре)формирующейся системе координат. Или как минимум они хотят подчеркнуть свое первенство по какому-либо вопросу. Поэтому на территории России начинают появляться разнородные псевдостолицы.

Например, достаточно характерны рассуждения о «потерявшейся» на российских просторах «третьей столице» страны. За этот статус могли бы поспорить Нижний Новгород и Екатеринбург с его усилившимися столичными амбициями. Подчеркивая свое особое место в русской истории, Новгород добился того, что российские власти признали его «Великим» в 1998 г., законодательно оформив переименование. Кстати, древний Ростов, не являясь областным центром, сделать то же самое не смог, явно уступив все Ростову-на-Дону. Другой древнейший город — Великий Устюг, однако, сумел найти новую форму своей идентичности, став «столицей» Деда Мороза. Несмотря на явное подражание Лапландии, устюжане при поддержке москвичей попытались таким образом возродить свою былую славу, пусть в осовремененных, «попсовых» формах.

Главной же осью координат в России все-таки является «Север — Юг». Эта ось безусловно существует в Европейской части России. На Востоке Север и Юг сливаются, и достаточно логичные понятия Северная и Южная Сибирь не приняты, т.е. вся Сибирь воспринимается как особая — восточная форма русского Севера. Что касается Запада, то здесь прослеживается исторически заданная триада «Север — Центр — Юг», связанная с особенностями процесса освоения. При этом говорить приходится не об ареалах, а опять же об изолиниях «северности/южности».

Ситуация с Югом стала несколько проще после создания Южного федерального округа, который зафиксировал географическую реальность. При этом понятие «Юг» вытеснило «Северный Кавказ», ассоциируемый с межнациональными конфликтами и сепаратизмом. Русские регионы откровенно не захотели быть «Кавказом», следствием чего стало «восстание» Нижней Волги. В качестве «южной столицы» активно и успешно самоопределяется Ростов-на-Дону (здесь и центр федерального округа, и крупный агрохолдинг «Юг Руси» и т.п.). Кстати, истоки современного понятия «Юг России» можно обнаружить во времена Гражданской войны в связи с А. Деникиным, который назывался командующим вооруженными силами Юга России и действовал примерно на той же территории «Южного федерального округа».

В основе Севера сегодня оказывается ось Ярославль (плюс его культурно-исторический спутник Кострома) — Вологда — Архангельск. Интересно, что именно к северной идентичности тяготеет северо-восточная, ярославско-костромская, таежная часть Центральной России. Так, «Северная правда» — это ведущая газета Костромской области, а в Ярославле выходит газета «Северный край». «Центральность» этим регионам как будто не интересна. Далее к Северу за звание самого аутентичного региона Русского Севера конкурируют Вологодская и Архангельская области. «Северные» названия обильно представлены в обоих регионах. В Вологодской области это газеты «Русский Север» и «Красный Север», информационное агентство «Север-информ», в Архангельской — «Правда Севера», «Северный комсомолец».

Заметим, что районы Крайнего Севера воспринимаются уже не как Север, а как «полюс», нечто, расположенное за пределами Севера. Поэтому Мурманская область предпочитает особую «полярную» идентичность («Полярная правда», «Комсомолец Заполярья»). Примерно также на Юге «горный» Кавказ воспринимается уже не как Юг России, а как новая, «запредельная» геосистема.

В целом же Север для российских регионов — это не столько циркумполярная зона, сколько регион в Европейской части, расположенный между Волгой и Северным (т.е. Белым) морем. За Уралом Север слабее заселен и, понимая свою северную природу, все же предпочитает другие формы идентичности. Хотя и в Новом Уренгое можно встретить газету «Правда Севера».

Наибольшие проблемы оказываются связаны с Центром, который вроде и есть, и его как бы нет. Отталкивание Ярославля и Костромы от Центра показательны. Москва, конечно, воспринимается как столица, а посему Центр, это относится и ко всему столичному региону. Однако далее уже потихоньку начинаются Север и Юг, ближний или дальний, с центральной разделительной полосой Смоленск — Владимир, ко-

торые явно не назовешь ни Севером, ни Югом, и которые представляют собой западные и восточные окраины Центра. К югу же от Московской области степень «южности» субъектов федерации постепенно возрастает. Однако здесь все-таки есть собственная идентичность — Черноземье. Поэтому «южная» самоидентификация реально появляется только на границах Ростовской области.

Проблема «центральной» самоидентификации осложняется специфически российским двоецентрием. Есть «старая», «историческая», доуральская Россия-Русь с Центром в Москве, Севером в Вологде-Архангельске и Югом на засечных чертах, на изолиниях освоения лесостепи и степи. Здесь понятия Центр и столица совмещены, и их ярким и, пожалуй, единственным воплощением является конгломерат Москвы и Подмосковья (с их подобной символикой).

Однако в России есть и географический центр, который тоже дает о себе знать, особенно по мере освоения Сибири. Есть и меридиональная ось по Енисею, которая по сути является центральной российской осью-вертикалью. Не случайно мы наблюдаем сегодня рост красноярского самосознания, причем как самосознания центрального. Именно здесь работает государственная телерадиокомпания под «скромным» названием «Центр России». Развивается представление о Красноярском крае как о стратегически важной территории, которая рассекает всю Россию (за вычетом Тувы) на две части. Поэтому говорить о Центре и «центральной» идентичности в современной России стало сложнее, поскольку это звание по своим основаниям оспаривают Москва и Красноярск.

Что касается двух других антиномий, то они выражены в России очень слабо, и регионы обычно стараются их избегать. Действительно, говорить о Западной и Восточной России очень сложно, эти понятия (использованные евразийцами) искусственны и уж в региональную идентичность точно не ложатся. Западная Россия — это «старая», «историческая» Россия, т.е. по логике — Центр, а не Запад, историческое ядро страны, от которого собственно и исчисляются Север и Юг. Поэтому «западная» идентичность для регионов не характерна вообще, у нее почти нет оснований.

Что касается Востока, то он присутствует в России во множественном числе. Действительно, Нижний Новгород — это уже первый восточно-русский регион. Говорить нужно о многочисленных фронтах, создававшихся по мере освоения русскими евразийского пространства. Любопытно, что в России, в отличие от всей евразийской системы, нет своего Ближнего и Среднего Востока, только — Дальний (хотя в принципе Поволжье соответствует формату российского «Ближнего Востока», а Урал и Западная Сибирь — «Среднего Востока»).

Понятие «Восток» впервые резко актуализируется только в Восточной Сибири, причем даже не в Красноярском крае (который мыслит себя Центром — в ином измерении), а в Иркутской области. Именно в Иркутске центральной газетой является, например, «Восточно-Сибирская правда». За Иркутском понятие «Восток» быстро обретает реальность. Не случайно в этом городе распространено обыденное мнение, что дальше к востоку «жизнь кончается». Ориентированный на Тихий океан Дальний Восток является уже общепризнанным и довольно хорошо очерченным макрорегионом России¹⁴.

Правда, анализируя «восточную» ситуацию, нельзя не обратить внимания на особый феномен Магаданской области, где очень четко появляется понятие «Северо-восток». Это понятие присутствует в многочисленных названиях типа «Северовостокзолото» и «Северовостокуголь». Магадан оказывается как бы вторым «северным полюсом» России, восточным аналогом «северо-западного» Санкт-Петербурга¹⁵. При этом в России нет ни Юго-востока, ни Юго-запада. Ведь Юго-запад для русского это скорее Украина, а Приморский край не воспринимается южным («теплым») регионом, чтобы вместо Дальнего Востока стать Юго-востоком России.

Еще более характерно избегание российскими регионами «европейской» и «азиатской» идентичности, причем в еще большей степени, чем до революции, когда «азиатская» идентичность использовалась в нововоенных районах, подчеркивая своеобразие и экзотику колонизируемых территорий. Сейчас фактор единства и непрерывности России стал самодовлеющим, и региональное самосознание не воспринимает культурно-историческую серьезность уральского рубежа. Можно лишь выделить два крайних полюса, где понятия «Европа» и «Азия» более или менее реальны. С одной стороны — это «европейский» Санкт-Петербург, который не может обойтись без европейской идентичности. С другой стороны — Чита, своеобразный символ Русской Азии, регион, не просто предельно далекий от Европы, но и глубоко периферийный, граничащий с Китаем и Монголией — главными сугубо азиатскими соседями России (наконец, если верить Л. Гумилеву, родина Чингисхана). И вот именно в Чите мы обнаруживаем телеканал «Азия-ТВ». Хотя, конечно, в России, точнее ее русской этнической части, нет азиатского полюса, противосто-

¹⁴ Интересно, что в Приморском крае выходит газета «Утро России», название которой напоминает о чем-то японском, о стране восходящего (но для России) солнца.

¹⁵ С Северо-востоком, кстати, связана интересная историко-географическая эволюция, ведь само Московское царство исторически возникло на северо-восточной, залесской окраине бывшей Киевской Руси и было первым русским Северо-востоком. За несколько веков экспансии понятие «Северо-восток» сместилось в действительно северо-восточный угол Евразии.

ящего европейскому: Азия в этом контексте — скорее глухая периферия, предельно далекая от Европы. С этой точки зрения Читинская область идеально соответствует данному образцу¹⁶.

Кое-как расположившись в многочисленных российских системах культурно-географических координат, регионы начинают решать проблему своего «второго имени» как основы самоидентификации в условиях федерализма. Кстати, налицо и стремление регионов уйти от формально-бюрократического наименования «область». Как что-то более глубокое, более «ландшафтное» сегодня воспринимаются слова «край» и «земля», активно используемые в качестве неформальной основы идентичности.

Наиболее яркие примеры региональной самоидентификации связаны с природными объектами. Можно констатировать, что природный ландшафт глубже проник в региональную самоидентификацию, чем в региональную символику. Это понятно, поскольку исторически российские регионы именовались по своим административным центрам, и с этим ничего не поделаешь. Поэтому поиск «второго имени» неизбежно приводит к матери-природе. И здесь возникает проблема правильного географического соотношения региона и природного объекта-доминанты, поскольку регион должен иметь право на монопольное использование имени этого объекта в своих целях.

Начнем с более редких случаев. Орография мало где служит основой региональной идентичности, поскольку «русских гор», как известно, практически нет — Урал, окраины Кавказа, Алтай и Саян. Поэтому в символике краев и областей горы практически не фиксируются за отсутствием таковых. Урал действительно стал важным символом региональной идентичности, но ни один регион не может присвоить его себе целиком. Конечно, есть стремление лидера — Свердловской области стать воплощением всего Урала (вспомним Уральскую республику, газету «Уральский рабочий» и др.). Однако с ней готова поспорить Челябинская область. Деление Урала на зоны лишь частично решает проблему: Свердловская область уже не очень охотно использует формальное понятие «Средний Урал», а за право называться Южным Уралом конкурируют Челябинская и Оренбургская области. Проще Курганской области, которая легко вписалась в понятие «Зауралье» и активно им пользуется.

Любопытным феноменом стало наличие в России двух Алтаев — степного русского края и национальной горной республики. Использование Алтайским краем алтайской идентичности может быть не вполне корректно с точки зрения физической географии, но эта идентичность

¹⁶ Своеобразный культурно-географический курьез связан с первым мэром и в некотором смысле символом «нового Петербурга» А. Собчаком, который, как известно, родился в Чите.

закрепилась не только в названии региона, но и в общественном сознании (действительно, кто рискнет назвать Алтайский край Барнаульской областью).

Определенную аналогию можно провести и в отношении Кавказа, также поделенного на две половинки. Следы «кавказской» идентичности наиболее заметны в Ставропольском крае, в наибольшей степени обращенном к «национально-горному» Кавказу и являющемся его своеобразным продолжением¹⁷. Здесь можно встретить названия газет «Кавказский край» и «Кавказская здравница». Однако, как говорилось выше, популярность «кавказской» идентичности (как и «азиатской») сейчас уже не та, что в XIX веке, и регионы предпочитают называть себя Югом.

Если обратиться к гидрографии, то море, как и горы, является не вполне «аутентично русским» феноменом. Это значит, что в редких случаях его наличия оно становится ярким элементом региональной идентичности. Значимо даже не конкретное море, а сам факт. Действительно, Приморский край — не единственный приморский регион России, но именно он устойчиво носит это название. Ведь Приморье — это еще и исторический форпост России на Тихом океане с его Владивостоком-Константинополем (здесь есть Золотой Рог, Босфор и пр.), который строился под грандиозные замыслы.

Аналогично и Поморье, т.е. Архангельская область, выражает своим названием один лишь факт выхода к морю. И опять же не случайно, ведь Белое море — это, по сути, единственное «историческое» русское море. Поморская идентичность в Архангельской области очень популярна, еще популярнее, чем северная, поскольку имеет и некоторый субэтнический смысл (здесь распространено «синтетическое» понятие Поморский Север, имеющее очень глубокие корни). В Архангельске можно встретить ГТРК «Поморье», Поморский государственный университет, Поморский международный педагогический университет, банк «Поморский» и др.

Конкретизация названия прилегающего моря встречается не столь часто. Конечно, балтийская идентичность распространена в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Калининградской областях, хотя и не столь явно¹⁸. Активно используются понятия Причерноморье и Приазовье для определенных частей Краснодарского края. Интересно, что Тихий океан неожиданно появляется в «структурах идентичности» Хабаровского края —

¹⁷ Хотя собственно Кавказских гор явно больше в Краснодарском крае, но там есть свои устойчивые формы идентичности, связанные с Кубанью и Причерноморьем. Ставрополье же, с его серебряной горою, традиционный русский форпост на Кавказе.

¹⁸ Любопытным признаком питерско-балтийской экспансии стало широкое распространение в России пива «Балтика». Символ этой экспансии — огромная реклама «Балтики» на здании гостиницы «Москва» в российской столице.

далеко не самого тихоокеанского региона России. Но именно в Хабаровске (где, кстати, никакого океана нет) выходит крупная газета «Тихоокеанская звезда».

Абсолютно логично, что главной основой второго регионального имени стала река как ведущий индивидуализирующий фактор в пространстве России с его размытыми культурными и природными границами. Эта особенность восходит к старорусским временам, когда появились идентифицирующие названия типа Вятка и Дон. Можно сказать, что повезло тем регионам, которые смогли «вписать» в свои границы ту или иную реку. Сегодня хрестоматиен, конечно, пример Краснодарского края и Ростовской области, которые везде где можно называют себя Кубанью и Доном. От них не хочет отставать и Магаданская область, которая зовется Колымским краем или просто Колымой. Устойчивая связь с Байкалом зафиксирована в Читинской области, которая имеет устойчивый синоним Забайкалье (Читинская и симметричная ей Амурская область с культурно-географической точки зрения — это широкий верхнеамурский «прогиб» между Сибирью и Дальним Востоком).

Заметно и стремление других регионов подчеркнуть свою связь с теми или иными реками. Так, Кировскую область принято называть Вятским краем. Распространяются понятия Приангарье¹⁹ (Иркутская область) и Прииртышье (Омская область). Красноярский край практически приватизировал Енисей. Не будем забывать и о невольской идентичности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области²⁰: объединенный субъект федерации предлагалось назвать Невским краем.

Хотя, конечно, далеко не все регионы могут так легко ассоциировать себя с определенной рекой или озером. Часто возникает конкуренция, когда множество регионов используют одно и то же название. Тогда это уже не уникальная идентичность, а просто популярное имя, такое как Волга. Связанная с Волгой идентичность используется практически во всех поволжских регионах, особенно в Нижегородской, Ульяновской, Самарской, Саратовской областях, «по определению» — в Волгоградской. Любопытно, что ГТРК «Волга» — это Ульяновск (так же, как кондитерская фабрика «Волжанка» и завод «Волжские моторы»). Но в Нижнем тоже есть телеканал «Волга». Газеты «Волжская коммуна» и «Волжская заря» выходят в Самаре, а литературный журнал «Волга» издается в Саратове. Волжская идентичность явно сглажена в Центральной России (Ярославская и Костромская области предпочитают быть Севе-

¹⁹ В силу странного стечения обстоятельств «Приангарье» — это необычное название иркутского издания КИРФ.

²⁰ В дополнение к балтийской и европейской идентичности, наконец, к Северной Пальмире.

ром) и Астраханской области (где есть свой уникальный природный объект — Каспий), но Тверская область с удовольствием и полным правом называет себя Верхневолжьем²¹.

Зачастую регионы, расположившись на крупных реках, стремятся «захватить» их целиком, пытаясь создать устойчивую ассоциацию. Так, Амурская область, конечно, демонстрирует свои особые права на амурскую идентичность, пользуясь преимуществом своего имени (отсюда и названия ведущих СМИ — ГТРК «Амур», газета «Амурская правда»). Для Хабаровского края Амур играет не меньшую роль, но этот край располагает и другим ценным имиджевым ресурсом — Тихим океаном. Интересна и попытка Рязанской области «присвоить» себе Оку (ГТРК «Ока», швейная фабрика «Голубая Ока»). В то же время крупнейшая российская река Обь совершенно потерялась в системе региональной идентичности, поскольку на ее берегах нет ни одного региона, готового активно пользоваться ее именем.

Помимо больших рек, которых явно не так много, регионы пытаются подчеркнуть свои особые природные или природно-экономические доминанты. Например, Курская область придумала себе поэтическое имя Соловьиный край. Заменой «чуждой» Восточной Пруссии стал Янтарный край. Магаданская область считает, что Колыма — Золотое сердце России (как гласит надпись на выезде из аэропорта)²².

Итак, природный ландшафт по объективным причинам сыграл главную роль в региональной самоидентификации. Создание новой идентичности на основе культурных слоев в краях и областях практически невозможно. Единственный важный пример современного творчества в

²¹ При этом следует обратить внимание на полное исчезновение старорусского понятия «Заволжье», которое обозначало территории к северу от Волги, ныне именуемые Севером (заволжские старцы XV века). В то время преобладало меридиональное измерение русской региональной идентичности, которое помещало Заволжье к северу от Волги. После смены доминирующего вектора экспансии на широтный Заволжье могли бы считаться районы к востоку от Волги, но в связи с слишком дальним заходом русской колонизации такое обозначение смысла не получило. Новый советский город Заволжье является вообще курьезом, поскольку находится на правом берегу, т.е. «до», а не «после» Волги. Это — Заволжье лишь по отношению к древнему левобережному Городцу.

²² Как минимум регионы начинают заниматься эстетизацией или упрощением существующих названий. Уже есть эксперименты по использованию слов, напоминающих название страны. Например, телекомпания Московской области носит имя «Московия», напоминая о временах зарождения централизованного русского государства — Московского царства. По аналогии в Ярославле появилось прогубернаторское общественнополитическое движение «Ярославия» — стилизация официального регионального имени в духе «русского штата». В Белгородской области возник идентификационный термин Белогорье, превратившийся даже в Святое Белогорье (хотя это уже явно относится к Воронежской области). Стали распространяться и обыденные формы типа Ямал и Ханты для соответствующих автономных округов.

регионе с преобладанием русского населения связан все-таки с формально национальным образованием — Ханты-Мансийским АО. Здесь было изобретено и активно пропагандируется «второе имя» Югра (оно же вынесено на герб округа). Оно имеет свои национально-исторические корни, и его внедрение является необходимостью, поскольку властям округа нужно объединить совершенно разрозненные промышленные города.

В остальном же культурные доминанты служат в регионах не основой «второго имени», а формой его гордости, дополнительным символом территории. Наибольшую популярность получают ассоциации территорий с историческими деятелями, великими поэтами и писателями, композиторами и др. Так, вторым после Северо-Запада центром «петровского культа» стали регионы Черноземья. В Воронежской области на герб вынесен вензель Петра Первого, именно так — «Петр Первый» назвались банк и созданное региональными властями избирательное объединение. Решил не отставать и Липецк, где Петру был установлен новый памятник.

Сложилась целая серия ассоциаций, где, конечно, регионы заинтересованы в монополизации того или иного имени. С Пушкиным это не удалось, и одно время в прессе фигурировало понятие «пушкинские регионы» (Псковская, Нижегородская области и др.). Зато Тульская область активно использует имя Толстого, Орловская — Тургенева, Рязанская — Есенина, Архангельская — Ломоносова, Красноярский край — Сурикова и др. Брянская область сейчас активно «раскручивает» Тютчева, готовясь к двухсотлетию со дня его рождения. Достоевский уверенно ассоциируется с Петербургом, а Лермонтов — с Кавминводами.

В отсутствие культурных доминант регионы начинают использовать доминанты экономические. Это совершенно понятно в случае с Кемеровской областью, синонимичной Кузбассу. Но любопытно, что Ивановская область с более слабой культурной традицией на фоне соседней оказалась своеобразной внутренней периферией Центра и вынуждена была искать новые формы идентичности. Отсюда известная аналогия «русский Манчестер», а далее затертые ассоциации региона с краем невест (в связи с чем каждый московский политик считает своим долгом отработать здесь свою программу общения с женским электоратом) и неожиданное для исторического ядра России название ведущей газеты «Рабочий край», уместное где-нибудь на Урале. Действительно, в Свердловской области понятие «Горнозаводской Урал» (название избирательного блока, территории с центром в Нижнем Тагиле и т.п.) выглядит не просто органичным, но традиционным, «демидовским». Соответственно, Нижний Новгород как «русский Детройт» и тем более Самара как «российский Чикаго» воспринимаются совершенно неестественно и односторонне, тогда как Тольятти имеет все основания называться Автоградом.

Итак, в России сохраняется вся условность и слабость региональной идентичности. «Русские штаты» не всегда отрефлексированы общественным сознанием, и им не так просто доказать свою уникальность и вывести ее на уровень символики и общепринятой идентификации. С трудом рождаются и «вторые имена» областей, как бы предвосхищающие деление страны на некие укорененные в культурном ландшафте структурные единицы, а не просто хинтерланды крупных городов. Хотя с другой стороны совершенно «серых» областей, которые не способны подчеркнуть свою индивидуальность, тоже нет. Скорее территории постепенно и в спорах с соседями нащупывают, извлекают из культурного ландшафта свои «исконные» формы идентичности.

В этой связи, кстати, вызывает большие сомнения актуальность укрупнения регионов. Показательна чрезвычайно жесткая реакция объективно очень слабой с точки зрения экономики Костромской области на притязания Ярославской, руководство которой заявило о необходимости присоединения слабых регионов к сильным в порядке эксперимента. Не готово ни к кому присоединиться и Зауралье — Курганская область, печальная судьба которой также часто обсуждается на высоких совещаниях. Пример Костромы показывает, что региональная идентичность регионов все-таки сильнее денег, а значит, в нынешней административной структуре есть или может быть исторический смысл и долгосрочная перспектива²³.

3. Политизация культурного ландшафта

Важную роль в становлении региональной идентичности играют политические стимулы. В целом на уровне гражданского общества региональная идентичность пока очень слабо актуализирована. Обыденные формы существуют и неплохо распространяются, но они не политизированы, и попытки сыграть на их использовании не удаются: императив

²³ При этом, однако, не следует забывать о проблеме консолидированности самих субъектов федерации, внутри которых есть культурные ландшафты меньшего таксономического уровня со своим самосознанием. Для крупных регионов характерны свои внутри-региональные антиномии («Север — Юг» (Тюменская область, Красноярский край), которые получают политическое выражение (конфликт «Севера» и «Юга» на выборах губернатора Тюменской области, создание Ассоциации районов Юга Красноярского края). Складываются и обособленные ареалы, оформленные, например, в Челябинской области в виде ассоциации «Горный Урал», занимающей ее северо-западную часть. В некоторых регионах еще живы культурные субцентры — конкуренты региональных столиц, готовые поспорить за право создать собственный регион. Например, Елец и Тобольск — два ярчайших примера неудавшихся центров, сохранивших свою гордость, идентичность и амбиции. Регионы вынуждены каким-то образом решать проблему культурно-политической автономии и престижных курортных зон с историей и претензиями (Сочи и Кавминводы) и самостоятельных промышленных гигантов (Тольятти, Новокузнецк, Череповец, Магнитогорск).

русского единства всегда оказывается сильнее. Поэтому выстроенные на сугубо регионально-патриотической основе движения, как правило, очень маргинальны.

В то же время вполне актуальна политическая игра властей, для которых развитие региональной идентичности — это дополнительный повод самоутверждения. Региональный патриотизм хорошо ложится в более широкий программный контекст, дополняя, развивая и подчеркивая иные идеи и инициативы.

Поэтому развитие регионального политического движения не следует связывать только с вызывающими решениями начала 90-х типа самопровозглашенных республик — Уральской, Южноуральской, Вологодской и пр. Среди губернаторов было достаточно убежденных «регионалистов», которые вели борьбу за неформальный статус региона и, главное, за его экономическую самостоятельность, которая получала и свое идеологическое обоснование в виде специальных символов. В этой плеяде особенно выделяются имена Н. Кондратенко (Краснодарский край), В. Чуба (Ростовская область), Д. Аяцкова (Саратовская область, лозунг столицы Поволжья²⁴), К. Титова (Самарская область, постоянно и гордо называющая себя губернией), Ю. Ножилова (Иркутская область), Е. Наздратенко (Приморский край).

Сейчас расцвет политического регионализма позади. Изменения в федеральном законодательстве ведут и к неизбежному закату региональных партий: предполагается, что все региональное политическое пространство будет занято отделениями общероссийских партий. Можно выделить только пять примеров территорий, где автономизм хоть как-то сохраняется на уровне политического движения.

Во-первых, это Сибирь, но без привязки к конкретному региону. Сибирский автономизм, как многое в нашей истории, попытался возродиться в годы перестройки, но особого успеха не имел. Лучшее всего он был представлен в интеллектуальных центрах сибирского традиционализма — Томске и его историческом «преемнике» Новосибирске. Например, в 1990 г. в Томске возник Союз объединения Сибири с идеей Сибирской республики. В Красноярске некоторое время действовала Сибирская народная партия (Сибирская партия независимости).

Однако позднее сибирское движение как народная инициатива полностью сошло на нет. Имели место лишь попытки представителей политической элиты использовать эту тему для самоутверждения. Например, проигравший выборы губернатор Новосибирской области И. Индинок стал в 1998 г. создателем Сибирской партии, которая никак себя не проявила. «Антиколониальные» моменты искусственно педалировались в кам-

²⁴ Имеется газета «Саратов — столица Поволжья».

пани по выборам законодательного собрания, а затем губернатора Красноярского края (где тема «пришлых варягов» получила особую актуальность) движением «Наши» во главе с А. Уссом.

Характерно, что никакой консолидации сибирских регионов не происходит. В принципе губернаторы неплохо договаривались в рамках межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и выступали с общей позицией перед лицом федерального центра. Однако реального, да еще и поддерживаемого народными массами объединения не было. Полисубъектность современной Сибири с ее множеством регионов, имеющих различные экономические интересы, сводит на нет любое сибирское движение как политический феномен.

По тем же причинам с еще меньшей вероятностью могло бы состояться дальневосточное движение. И действительно в 1990 г. во Владивостоке можно было слышать призывы к созданию Дальневосточной республики. Тогда в городе были созданы Дальневосточная республиканская партия и Дальневосточная республиканская партия свободы. Но никакого развития их идеи не получили, и весь порыв трансформировался в политику Е. Наздратенко по превращению Приморья в закрытый, самодостаточный «бастион».

Более живучим оказалось сепаратистское движение в Калининградской области, представленное Балтийской республиканской партией. Однако никогда ни на каких выборах эта партия не добивалась успеха и существует лишь как напоминание об особом положении области и ее сложных отношениях с российским «материком».

Что касается казачьих регионов, и прежде всего Краснодарского края и Ростовской области, то, как ясно из изложенного выше, казачья идентичность принята там за основу региональной. Однако при известном негативном отношении к Москве (особенно заметно на Кубани) сепаратизм как политическое движение также почти сведен к нулю, либо в мягких формах защиты региональных интересов интегрирован в политику региональных администраций.

Наконец, внимания заслуживает поморское движение в Архангельской области. Оно, как и казачье, может претендовать на статус субэтнического, хотя наличие в составе русских отдельных субэтносов является спорным моментом. Сейчас это движение не находится на первом плане, не проявляет радикализма, но при этом стабильно существует на протяжении многих лет. Движение прослеживается еще с конца 80-х гг. и на «радикальном этапе» поддерживало создание на территории Архангельской области республики, затрагивало и такие типичные националистические темы, как нравственное превосходство поморов. Тема поморов включена в политико-культурный контекст Архангельской области и используется почти на каждом выборах (подчеркивается, например, что

губернатор А. Ефремов — коренной помор)²⁵. Однако заходить слишком далеко в области не хотят. Так, в 1999 г. областное собрание депутатов отказалось признать поморов малым народом Севера.

Интересно, что именно в Архангельской области политики активно использовали и северную идентичность. Архангельск стал своеобразным воплощением «политического Севера». Так, здесь действовало Демократическое движение Севера, а в 1999 г. появилось общественно-политическое движение «Северный край».

Подводя итоги, можно сделать вывод о наличии в составе России регионов, где региональная идентичность при определенных условиях может стать основой для политического движения автономистского и даже сепаратистского характера. Моменты противопоставления территории и России в целом существуют на Дальнем Востоке и в Сибири, т.е. эти макрорегионы представляют определенную «зону риска». Также политически мотивированное обособление может быть характерно для Архангельской, Калининградской, Ростовской областей и Краснодарского края с их особыми культурными ландшафтами, претендующими на более высокий таксономический уровень.

Политизация региональной идентичности может проявляться и в других регионах, но она зачастую имеет сугубо локальный характер. Как правило, тема возникает на региональных выборах, а движения регионально-патриотической направленности создаются под выборы депутатов законодательных собраний по партийным спискам. Центром таких политических инноваций стала Свердловская область, где губернатор Э. Россель сначала создал движение «Преображение Урала», а на последних региональных выборах властями был сформирован блок «За родной Урал». Впрочем, за право использовать уральскую идентичность в политических целях с Э. Росселем мог бы поспорить челябинский губернатор П. Сумин, создатель и лидер движения «За возрождение Урала». Весьма популярным политическим «лейблом» можно признать и «Вятский край» (в Кировском облсовете действовала одноименная фракция, позднее один из местных политиков возглавил движение «За возрождение Вятского края»).

Итак, топофилия все-таки стала важным элементом политических программ. Локальные и ситуативные движения с названиями типа «Наш родной (любимый) город (регион) N» возникают и исчезают как грибы после дождя. В то же время значимость культивируемого регионального патриотизма не следует преувеличивать, пока он не противоречит рос-

²⁵ Действует региональное общественное движение «Поморье», ранее заявляли о себе национально-культурный центр «Поморское возрождение», «Поморская лига». В 1996 г. впервые прошли Дни поморской культуры.

сийскому единству и не стимулирует центробежные тенденции, ведущие к распаду государства. Скорее наблюдается нормальный процесс децентрализации, в котором так или иначе действуют, появляются и сходят со сцены региональные движения, пропагандирующие не сепаратизм, а особое место региона в российской геосистеме. Российское общественное сознание не заиклено на «местечковости» и остается достаточно «глобальным», стремясь объединить региональные ценности с общероссийскими. Именно поэтому тема губернаторов-«варягов» возникла, но не привела к их тотальному отторжению. Заметно также, что периферийные элиты избегают противопоставлений с центром, по крайней мере на официальном уровне. Например, символика наиболее «опасных» регионов или является подчеркнуто пророссийской (Приморский край), или до сих пор до конца не создана (Архангельская, Калининградская области), как бы во избежание крайностей и неправильного понимания в центре.

* * *

Итак, российские регионы ищут себе более устойчивое место в культурном пространстве, пытаются соотнести себя с природными и культурными ландшафтами. Идет своеобразная «ландшафтизация» регионов, которая заметна и в их символике, и в формах самоидентификации. Регион не хочет быть просто территорией вокруг административного центра, он стремится слиться с культурным ландшафтом.

Специфика исторического момента заключается в том, что русская природа оказалась вечным и идеологически нейтральным началом, что позволило ей стать активно используемой основой региональной идентичности и символики. В зависимости от глубины региональной традиции природные начала были синтезированы с нею или уступили ей место. При этом процесс культурного возрождения вступил в противоречие с советскими охранительными тенденциями, создав своеобразную постсоветскую смесь ландшафтных структур и элементов. Поэтому в «культурной части» региональной идентичности прослеживается еще и борьба дореволюционных и советских символов: последние особенно упорно «держатся» в топонимике. Сегодня мы наблюдаем явно незавершенный, пока еще «сырой» процесс «вторичного освоения» русского культурного ландшафта и его инкорпорации в структуры и формы тоже незавершенной и тоже сырой региональной идентичности.

Литература

1. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб, «Дмитрий Буланин», 1997.

2. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., Новое литературное обозрение, 2001.

3. Культурная география. Под ред. Ю.А. Веденина, Р.Ф. Туровского. М., Институт наследия, 2001.

4. Нечаев В.Д. Региональный миф в процессе становления российского федерализма. // Политика, 1999, № 1, с. 48—72.

5. Паперный В. Культура «Два». М., Новое литературное обозрение, 1996.

6. Политика и культура в российской провинции. Под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой (при участии А. Кузьмина). М.—СПб., Летний сад, 2001.

7. Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. М., Профиздат, 2000.

8. Русская ономастика и ономастика России. Словарь. Под ред. О.Н. Трубочева. М., Школа-пресс, 1994.

9. Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа. // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995, № 3, с. 33—44.

10. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М., ИКИПН, 1998.

11. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России. // Российское общество: становление демократических ценностей? М., Гендальф, 1999, с. 87—136.

В исследовании использованы материалы интернет-сайтов www.geraldika.ru, www.heraldry.hobby.ru, www.atlasgeo.span.ch, www.gerb.narod.ru, www.fotw.digibel.be, а также сайтов субъектов федерации, городов, региональных администраций. Широко используются результаты полевых исследований, проведенных при участии автора, контент-анализ федеральных и региональных СМИ.